

Неразгаданная тайна

Передо мною граммофонная пластинка. Старая... тяжелая... затертая... Когда мне было пять-шесть лет, я видел ее в руках отца. Сотни раз я крутил ее на граммофоне, потом на патефоне, потом на проигрывателе. Проходило время, но я все возвращался к ней. Каким чудом она сохранилась, прожив почти три четверти века? Что в ней за магия, заставлявшая всегда, при всяких обстоятельствах жизни бережно откладывать ее, прятать особым образом, окружать трепетным вниманием, слушать, священнодействуя?

Борис ПОКРОВСКИЙ

... Ария Пимена... Шаляпин...

Когда великий певец записал эту пластинку? Думаю, что ему было в то время лет тридцать шесть - тридцать семь. Есть много великолепного, записанного им позже. Есть эффектные сцены из «Фауста», «Дон Кихота», «Бориса Годунова», есть откровения в исполнении русских песен. В пении Шаляпина - изящество Моцарта, проникновенность Шуберта, разухабистость и удаль салонных шлягеров. Все - великая цена. Но никогда восхищение исполнительским разнообразием не могло у меня превысить преклонения перед красотой и мудростью этой записи.

... В монологе Пимена звуковедение Шаляпиным фразы «Засветит он, как я, свою лампаду» остается загадкой для разума, для понимания, и грандиозно действующим на чувства вокальным образом. Что это? Явление, никак, ничем не объяснимое, даже как бы и несообразное со здравым смыслом, «хватает за сердце»!

Пимен - мудрый, седовласый старик, сидит ночью и пишет летопись. Шаляпин, столь поразительно находящий тысячу тысяч интонаций, способный звуками своего голоса изобразить испугавшегося ребенка, пройдоху, издевающегося циника, страдающую женщину или, наконец, мощь всей Вселенной, поет маститого старца красивым молодым звуком, оформляет этот звук звонкими, прямо скажем, юношескими согласными. Пишет труд, «завещанный от Бога», а голос, подобно красивой молодой лани, несется, любясь своим бегом.

Засветит он, как я, свою лампаду - И пыль веков от хартий отряхнув, Правдивые сказанья перепишет...

В исполнении Шаляпина нет пушкинского проникновения в будущее, веры в историческую правду, вечное ее торжество. Нет и погружения в бездонный океан истории, звучания тяжелых шагов по ступенькам в склеп небытия, начертанных Мусоргским на нотномоще.

Тут, в этой исторической красоте есть и Пушкин, и Мусоргский, и даже сам певец Шаляпин, восхищенный историей,

жизнью, Пушкиным, Мусоргским, своим собственным бытием в искусстве, прославляющий правду великого летописца русской истории. И в этом эмоциональном сплаве восторга возникает сверхобобщение, великое таинство красоты искусства, буквально физически действующей на слушающего...

Шаляпин пел старика-монаха Пимена голосом молодого поэта. В этом есть чудо оперной театральности. Мера или, скорее, безмерность оча-

рования оперной условности.

От того, что я буду подбирать слова, чтобы выразить свое удивление перед этим феноменом, чудо понятнее не станет. И нет нужды разяснять его и пытаться понять. Тут чудо, имя которому - Шаляпин. Не Федор Иванович, а синоним великого - «Шаляпин». Откуда? Из мира, из Вселенной!

Я вижу, как красивый мужчина в крахмальном воротничке, в отлично сшитом костюме, с перстнем на пальце, с видом преуспевающей знаменитости стоит перед старинным, примитивным звукозаписывающим аппаратом и поет, любясь собою, любясь тем, как подбираются драгоценные звуки, подчиняясь божественной логике искусства... А потом сотни людей обмирают, слушая это, и расцветают духовно, унося в своем сердце на всю жизнь красоту, включающую в себя мудрость жизни, веру, вдохновение. Удивительно, непонятно, непознано! Но как реально!

Значит ли это, что когда мы говорим об изменчивости исполнительского искусства, о том, что каждый год и каждый день создает свою атмосферу, действующую на искусство и его восприятие, мы не правы? Не только стансы Рафаэля Санти или пьесы Шекспира вечны в своей возвышенности, эстетике и поучительности, но и исполнительское искусство, к примеру, Шаляпина?

В иных записях певца - большое искусство, в этой - что-то над искусством. «По ту сторону забора», - как говорил об этом Шаляпин.

Шипит пластинка, потрескивает, но крепко держит вечную красоту, ей доверенную. Не образ старика со скрипучим пером, не «протокольную правду», а саму историю, великую историю России.

«...Засветит он, как я, свою лампаду!»

Какая бережливость в ощущении красоты интервала! Любование им! Формализм? Шаляпин поет не старика, описывающего вереницу событий, а эстетическое обобщение Летописца и самих фактов - русскую историю, реальный ее образ!

Восхищаясь, как описывали в 20-е годы, мы слушали записи всех зна-

менитых певцов мира. «Ах-ох! Здорово! Вот это да!»... Но в соседней комнате нас ждал чай, пора было кончать «бдение». «Хотите, я все это очарование перечеркну?» - спросил меня Александр Шамильевич. И он поставил пластинку Шаляпина. Вместо искусства пения зазвучали Человечность, идеи ее существа, созданные искусством пения... Все отодвинулось в сторону, осталась загадка искусства, которая и называется - Шаляпин.